

- [Книга Есфирь](#)
  - [О КНИГЕ ЕСФИРЬ](#)
  - [КНИГА ЕСФИРЬ](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)

Книга Есфирь

**Толковая Библия
или комментарий на все книги
Священного Писания
Ветхого и Нового Заветов
А. П. Лопухина.**

Книга Есфирь

Книга *Есфирь* называется так по имени главной героини своего повествования — еврейки *Есфири*, сделавшейся персидской царицей — супругой царя Артаксеркса и оказавшей в этом звании бессмертную услугу своему народу — спасением от покушения на его истребление царедворцем Аманом. Это замечательное в истории еврейского народа событие было поводом к установлению особого еврейского праздника (Пурим), почему и история Есфири есть вместе история происхождения праздника «Пурим» (Phurim, жребий). По свидетельству II кн. Маккавейской, этот праздник праздновался евреями уже в 160 г. до Р. Х. (во времена Никанора); упоминает о нем и Иосиф Флавий, и до настоящего времени этот праздник торжественно празднуется евреями в синагогах 13–14 числа месяца адара. Все это служит доказательством — с другой стороны — действительности события, рассказываемого кн. Есфирь, особенно когда принять во внимание внутренние признаки исторической достоверности повествования, т. е. полное согласие описания нравов и обычаев со всем, что мы знаем об обычаях персов за описываемое время.

Писатель книги точно неизвестен. Климент Александрийский и некоторые раввины усвоят ее Мардохею, Талмуд — великой Синагоге. Принадлежность книги Мардохею как будто подтверждается в гл. IX:20 ст., хотя из этой же главы 31 ст. приходится заключить, что самый конец книги, по-видимому, не принадлежит Мардохею. Во всяком случае Мардохею принадлежит, вероятно, наибольшая часть всей книги. Немало указаний на это можно находить в самой книге: рассказчик, несомненно, жил при дворе, потому что вполне знает персидские обычаи, нравы и двор; говорит о современных ему событиях Персидской империи (существовавшей 536–330 до Р. Х.), ссылается на летописи мидян и персов (X:2); рассказ писан, по всем признакам, в Персии, в самых Сузах, что подтверждается и отсутствием ссылок на Иудею и Иерусалим; на принадлежность книги Мардохею могут указывать и другие обстоятельные подробности, напр., при описании пира Агасвера, а также упоминание имен великих сановников и евнухов, жены и детей Амана и т. п.

Помещаемая в числе канонических, книга Есфирь имеет, однако, значительные позднейшие вставки или прибавления, составляющие ее неканоническую часть (в LXX и Вульгате) и не имеющие места в оригинальном (еврейском) тексте. Таких вставок семь: 1) Сон Мардохея и раскрытие заговора против царя (LXX: впереди I:1 ст.; Вульг.: XI–XII); 2) Указ Амана (упоминаемый в III:12) против иудеев (LXX: после III:13; Вульг.: XIII:1–7); 3) обращение Мардохея к Есфири (LXX: после IV:8; Вульг.: XV:13); 4) Молитвы Мардохея и Есфири (LXX: после IV:17; Вульг.: XIII:8–XIV); 5) Подробности посещения Есфирью царя Агасвера (LXX: V:1–2; Вульг.: XV:4–19); 6) Указ Мардохея, упоминаемый в VIII:9 (LXX: после VIII:12; Вульг.: XVII). 7) Изъяснение сна Мардохея (LXX: после X гл. с упоминанием о введении праздника Пурим в Египте; Вульг.: X:4–13).

1-е добавление к книге: сон Мардохея и раскрытие заговора против царя. 1–9. Пир Артаксеркса. 10–22. Отказ царицы Астинь прийти в собрание гостей по зову царя и удаление ее царем.

(Во второй год царствования Артаксеркса великого, в первый день месяца Нисана, сон видел Мардохей, сын Иаиров, Семеев, Кисеев, из колена Вениаминова, Иудеянин, живший в городе Сузах, человек великий, служивший при царском дворце. Он был из пленников, которых Навуходоносор, царь Вавилонский, взял в плен из Иерусалима с Иехониєю, царем Иудейским. Сон же его такой: вот ужасный шум, гром и землетрясение и смятение на земле; и вот, вышли два больших змея, готовые драться друг с другом; и велик был вой их, и по вою их все народы приготовились к войне, чтобы поразить народ праведных; и вот — день тьмы и мрака, скорбь и стеснение, страдание и смятение великое на земле; и смутился весь народ праведных, опасаясь бед себе, и приготовились они погибнуть и стали взывать к Господу; от вопля их произошла, как бы от малого источника, великая река с множеством воды; и воссиял свет и солнце, и вознеслись смиренные и истребили тщеславных. — Мардохей, пробудившись после этого сновидения, изображавшего, что Бог хотел совершить, содержал этот сон в сердце и желал уразуметь его во всех частях его, до ночи. И пребывал Мардохей во дворце вместе с Гавафою и Фаррою, двумя царскими евнухами, оберегавшими дворец, и слышал разговоры их и разведал замыслы их и узнал, что они готовятся наложить руки на царя Артаксеркса, и донес о них царю; а царь пытал этих двух евнухов, и, когда они сознались, были казнены. Царь записал это событие на память, и Мардохей записал об этом событии. И приказал царь Мардохею служить во дворце и дал ему подарки за это. При царе же был тогда знатен Аман, сын Амадафов, Вугеянин, и старался он причинить зло Мардохею и народу его за двух евнухов царских.)

Добавление I-е. В истории сна Мардохея надлежит прежде всего отметить следующее противоречие: рассказчик говорит, что сон представился Мардохею «во второй год» Артаксеркса, причем Мардохей именуется уже как «служивший при царском дворце». Между тем, по еврейскому тексту [II:16](#), ср. [19 ст.](#) — Есфирь была взята к царю лишь «в седьмой год его царствования», когда и Мардохей был приближен ко двору и мог оказать известную услугу царю разоблачением затеянного против него заговора. Разрешить недоумение, вызываемое этим противоречием, возможно — или допущением ошибки в указании года царствования Артаксеркса, или допущением другой обстановки, при которой Мардохей мог узнать и довести до сведения царя заговор против него, или же, наконец, предположением более значительного промежутка времени между сном и заговором.

История заговора по различным спискам представляется в четверояком виде (еврейский текст, 2 греческих и Иосифа Флавия). По еврейскому тексту, [II:21–23](#), заговор служит причиной приближения Мардохея ко двору, между тем как по основному греческому тексту (добавление 1-е) Мардохей был уже при дворе и сам, а не через царицу, доносит о заговоре царю. Иосиф Флавий в общем следует этому греческому тексту, дополняя его, однако, сообщением, что Мардохей не сам узнает о заговоре, а через некоего Варнаваза, слугу-иудея одного из заговорщиков. Другие греческие варианты допускают также повторение заговора, допуская первый во 2-м году Артаксеркса, а второй — в 7-м и стараясь, таким образом, примирить разногласие и противоречие текстов с указанными различными датами и представлениями дела заговора, или принимают какой-либо один, устраняя другой.

Мардохей — имя персидское, означающее *поклонник Меродаха*. У Ездры II:2 и Неем VII:7 — Мардохей упоминается в числе пришедших с Зоровавелем из плена Навуходоносора. В добавлении Мардохей называется также ἀνθροπος μέγας («человек великий»), т. е. великий по силе и значению для иудеев (ср. [X:3](#); у Флавия XI, 6, 2 — он обозначается как человек τῶν πρώτων παρὰ τοῖς Ἰουδαίοις. В еврейском тексте имя Мардохея впервые выступает со [II:5–6](#) ст.

Народ праведный — праведный народ, т. е. иудеи.

Подробное изъяснение сна Мардохея дается в особом 7-м добавлении к книге (после X главы), к которому мы и отсылаем читателя.

«*Желал уразуметь его во всех частях его, до ночи*», т. е. до следующей ночи, целый день.

Аман — по [III:1](#) основного текста — Агагит. Греческие тексты в отличие от еврейского называют его то Македонянином, то Вугеянином (Βουγαίος). Последнее, однако, не есть ни имя народа, ни имя местности, ни тем менее собственное имя. Это скорее прозвище (Βουγαίος), значение которого — «большой хвостун». Что же касается наименования Амана «Агагит», то долгое время думали на этом основании, что Аман был амаликитянин, ибо один из царей амаликитских назывался Агагом. Итак, как уже в древности имена Исава, Амалика были принимаемы за обозначения язычников Европы, то LXX и переводят еврейское «агаги» через Μακεδών, македонянин. Однако имя Амана, как и имя его отца, имеет мидо-персидское происхождение. И мы знаем, также, теперь из надписей Карзабадских, что страна Агага составляла действительно часть Мидии — новое обстоятельство, показывающее даже в мельчайших подробностях историческое значение кн. Есфирь. Отсюда видно, что возражение, делаемое против Есф [VIII:12](#) — по Вульгате — и заимствуемое из того, что в этом месте Аман поименован «духом и родом македонянин» (animo et gente macedo), не имеет значения. Этому месту не противоречат (как это утверждали) [III:1](#), [10](#); [VIII:3](#); [IX:10](#), [24](#). Слово «македонянин» в XVI гл. происходит от того, что греческие переводчики, по которым был сделан латинский перевод XVI гл., напрасно передали здесь, как и в [IX:24](#) — слово «агагигянин» через «македонянин» (*Вигуру*, Руков. по чтению и изуч. Библии, кн. Есф).

Имена евнухов-заговорщиков неодинаковы по различным редакциям. В принятом греческом тексте они именуются *Гавафа* и *Фарра* (Γαβαθά и Θάρρα); У Иосифа Флавия — Βαγαθῶς и Θεόδεστος; по другим вариациям — Ἀστβυρος (Ἀστυάγης) и Θεδευτός. Вульгата вместо Γαβαθά имеет Bagatha.

1. И было (после сего) во дни Артаксеркса, — этот Артаксеркс царствовал над ста двадцатью семью областями от Индии и до Ефиопии, —

1. Имя царя по еврейскому тексту — ???, по одной из греческих вариаций Ἀρταξέρξης — Артаксеркс, по другим — Ἀσούρος (ср. Тов XIV:15; Езд IV:6; Дан IX:1), по Вульгате — Assuerus. Спорно то, какой царь действительно должен быть здесь подразумеваем. Во всяком случае, наиболее достоверно, что речь здесь может быть только или об *Артаксерксе Лонгимане* или *Ксерксе*. Наименование этого «Артаксеркса» великим в I добавлении (τοῦ μεγάλου) надлежит понимать как обычное обозначение персидских царей, а не как собственное отличие Артаксеркса. Последние изыскания привели к мысли, что этот «Артаксеркс» есть не кто иной, как *Агасвер* (Ксеркс I, 485–465 г., сын Дария I, сына Гистаспа). «Одним из самых первых результатов чтения персидских надписей, — говорит один из исследователей (Опперт), — было отождествление Агасвера (Ассуера) с Ксерксом. Уже Гротефенд более полувека тому назад высказал это мнение, и успехи науки не оставили даже тени сомнения в истинности его». И библейский образ «Артаксеркса» как нельзя более сходен с «Агасвером» историей и обстоятельствами его правления. Так, все, что говорится о пространстве Персидской империи — [I:1](#); [X:1](#), об обычаях двора, о капризном, сластолюбивом, жестоком, мстительном, сумасбродном нраве Агасвера — все это наиболее приложимо к Ксерксу в описании его Геродотом.

127 областей, от Индии до Эфиопии, над которыми царствовал Артаксеркс, не следует смешивать с 20-ю сатрапиями, учрежденными Дарием, сыном Гистаспа, в своем государстве. В основе первых, для деления их, лежали географические и этнографические особенности, между тем как сатрапии были более общими административными единицами, для облегчения взыскания податей.

2. в то время, как царь Артаксеркс сел на царский престол свой, что в Сузах, городе престольном,

2. Действие происходит «в Сузах, городе престольном», где царь обыкновенно проводил несколько месяцев года.

3. в третий год своего царствования он сделал пир для всех князей своих и для служащих при нем, для главных начальников войска Персидского и Мидийского и для правителей областей своих,

3. «В третий год своего царствования» — приблизительно около 482 года до Р. Х.

4. показывая великое богатство царства своего и отличный блеск величия своего в течение многих дней, ста восьмидесяти дней.

4. Продолжительность пира — без всякого преувеличения — указывается в 180 дней. Это был, точнее, целый ряд пиров, открывавшихся для новых и новых гостей царя, притекавших по его зову из самых отдаленных областей огромного царства. Геродот дает замечательное подтверждение этому, сообщая, что, готовясь к походу в Грецию, после покорения Египта, Ксеркс пригласил к своему двору всех вельможей своего царства для совещания с ними по поводу этой войны, и на приготовление к ней употребил четыре года.

5. По окончании сих дней, сделал царь для народа своего, находившегося в престольном городе Сузах, от большого до малого, пир семидневный на садовом дворе дома царского.

6. Белые, бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикрепленные виссонными и пурпуровыми шнурами, висели на серебряных кольцах и мраморных столбах.

7. Золотые и серебряные ложки были на помосте, устланном камнями зеленого цвета и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета.

8. Напитки подаваемы были в золотых сосудах и сосудах разнообразных, ценою в тридцать тысяч талантов; и вина царского было множество, по богатству царя. Питье шло чинно, никто не принуждал, потому что царь дал такое приказание всем управляющим в доме его, чтобы делали по воле каждого.

5–8. Все рассказываемое о величии царей персидских, о великом богатстве царства их и красоте дворцовых украшений — достаточно подтверждается результатом раскопок, произведенных на месте Суз, в 1884–1886 годах.

9. И царица Астинь сделала также пир для женщин в царском доме царя Артаксеркса.

9. Имя царицы по евр.: ???, по LXX: Ἀστίν, по Вульгате: Vasthi, на древне персидском

языке: Vahista — превосходная. — Царица обычно могла обедать вместе с царем, но на общественных пиршествах она не могла присутствовать по персидским понятиям о женской чести.

10. В седьмой день, когда развеселилось сердце царя от вина, он сказал Мегуману, Бизфе, Харбоне, Бигфе и Авагфе, Зефару и Каркасу — семи евнухам, служившим пред лицом царя Артаксеркса,

11. чтобы они привели царицу Астинь пред лице царя в венце царском для того, чтобы показать народам и князьям красоту ее; потому что она была очень красива.

12. Но царица Астинь не захотела прийти по приказанию царя, объявленному чрез евнухов.

10–12. Взбалмошная мысль царя — *«показать народам и князьям красоту»* царицы Астинь тем более делает симпатичным отказ царицы, что это было в самый разгар пира и чувственности царя и его гостей: *«в седьмой день когда развеселилось сердце царя от вина»*.

13. И разгневался царь сильно, и ярость его загорелась в нем. И сказал царь мудрецам, знающим прежние времена — ибо дела царя делались пред всеми знающими закон и права, —

13. *И спросил царь мудрецов, знающих времена, — ибо дела царя пред всеми, знающими закон и права*, т. е. царь посоветовался с состоявшими при нем мудрецами (естествоведами или магами) об этом деле, потому что таков был обычай его — совершать суды и приговоры открыто, на глазах всех, знающих и уважающих законы и права.

14. приближенными же к нему тогда были: Каршена, Шефар, Адмафа, Фарсис, Мерес, Марсена, Мемухан — семь князей Персидских и Мидийских, которые могли видеть лице царя и сидели первыми в царстве:

14. **Могли видеть лице царя, т. е. имели к нему доступ при исполнении им своих царских дел. Число этих привилегированных лиц было очень ограничено (7); к нему не принадлежала даже ближайшая подруга царя — царица, как видим это далее на Есфири ([IV:11](#) и далее).**

15. как поступить по закону с царицею Астинь за то, что она не сделала по слову царя Артаксеркса, объявленному чрез евнухов?

16. И сказал Мемухан пред лицом царя и князей: не пред царем одним виновна царица Астинь, а пред всеми князьями и пред всеми народами, которые по всем областям царя Артаксеркса;

17. потому что поступок царицы дойдет до всех жен, и они будут пренебрегать мужьями своими и говорить: царь Артаксеркс велел привести царицу Астинь пред лице свое, а она не пошла.

18. Теперь княгини Персидские и Мидийские, которые услышат о поступке царицы, будут то же говорить всем князьям царя; и пренебрежения и огорчения будет довольно.

15–18. В приговоре приближенных царя по делу Астини совершенно отсутствует указание на смягчающие ее вину обстоятельства; видно, что раболепие царедворцев выше всего ставило — действовать в тон настроения царя и в угоду этому настроению; мало того, царедворцы даже сгущают краски, преувеличивают дело, излишне обобщают его, высказывая опасение, что «*княгини Персидские и Мидийские*» и все жены персидские вообще «будут пренебрегать мужьями своими», исключая всякую возможность случаев, когда это пренебрежение может быть вопросом женской жизни и чести, и, таким образом, отдавая женщину в полное рабское подчинение всем капризам мужчины.

19. Если благоугодно царю, пусть выйдет от него царское постановление и впишется в законы Персидские и Мидийские и не отменяется, о том, что Астинь не будет входить пред лице царя Артаксеркса, а царское достоинство ее царь передаст другой, которая лучше ее.

19. Пусть выйдет от него царское постановление и впишется в законы Персидские и Мидийские и не отменяется. До буквальности сходное выражение имеется в книге Даниила — VI:8, подтверждая близкую соприкосновенность авторов обеих книг к персидской жизни и точное знание ими персидских законодательных формул и обычаев.

20. Когда услышат о сем постановлении царя, которое разойдется по всему царству его, как оно ни велико, тогда все жены будут почитать мужей своих, от большого до малого.

21. И угодно было слово сие в глазах царя и князей; и сделал царь по слову Мемухана.

22. И послал во все области царя письма, писанные в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его, чтобы всякий муж был господином в доме своем, и чтобы это было объявлено каждому на природном языке его.

22. «Письма», т. е. указы.

«Чтобы всякий муж был господином в доме своем, и чтоб это было объявлено каждому на природном языке его». Более точный перевод: «чтобы всякий муж был господином в доме своем и наречие его народа», т. е. чтобы при брачных союзах между особами различных национальностей — наречие и жизненные обычаи мужа были господствующими в дому. Это нечто подобное тому, как ныне закон устанавливает, что при смешанных браках религия страны должна быть принимаема в руководство при воспитании детей.

1–4. Совет приближенных царя приступить к выбору новой царицы. 5–7. Сведения о Мардохее и Есфири. 8–15. Есфирь в гареме Артаксеркса. 16–18. Есфирь — царица. 19–23. Мардохей и заговорщики.

1. После сего, когда утих гнев царя Артаксеркса, он вспомнил об Астинь и о том, что она сделала, и что было определено о ней.

2. И сказали отроки царя, служившие при нем: пусть бы поискали царю молодых красивых девиц,

3. и пусть бы назначил царь наблюдателей во все области своего царства, которые собрали бы всех молодых девиц, красивых видом, в престольный город Сузы, в дом жен под надзор Гегая, царского евнуха, стража жен, и пусть бы выдавали им притиранья (и прочее, что нужно);

4. и девица, которая понравится глазам царя, пусть будет царицею вместо Астинь. И угодно было слово это в глазах царя, и он так и сделал.

1–4. «Он (Артаксеркс) вспомнил об Астинь». Это было непростое воспоминание. Чувство жалости к удаленной супруге и сердечная пустота снедали царя; это делает вполне естественным и понятным тот совет, который «отроки царя, служившие при нем» (т. е. ближайшие его царедворцы) считают нужным дать, чтобы уврачевать царя от мучительных и нежелательных «воспоминаний».

5. Был в Сузах, городе престольном, один Иудеянин, имя его Мардохей, сын Иаира, сын Семеня, сын Киса, из колена Вениаминова.

6. Он был переселен из Иерусалима вместе с пленниками, выведенными с Иехониею, царем Иудейским, которых переселил Навуходоносор, царь Вавилонский.

5–6. Некоторые толкователи пытались на основании этих стихов установить возраст Мардохея. Относя слова 6-го стиха к Мардохею, они полагали, что Мардохей был переселен из Иерусалима во времена Иехонии, т. е. в 599 году, и насчитывали ему теперь свыше 120 лет. Другие толкователи с большей вероятностью относили дату 6-го стиха не к Мардохею, а последнему упоминаемому перед этим предку Мардохея — Кисе, из колена Вениаминова, прадеду Мардохея. В подтверждение этого указывают и на само имя Мардохея — вавилонское, а не палестинское, по-видимому, дающее заключить, что и рожден был Мардохей в Вавилоне.

7. И был он воспитателем Гадассы, — она же Есфирь, — дочери дяди его, так как не было у нее ни отца, ни матери. Девица эта была красива станом и пригожа лицом. И по смерти отца ее и матери ее, Мардохей взял ее к себе вместо дочери.

7. Еврейское имя Есфири — Гадасса, что значит «мирта». Персидское значение имени Есфирь — звезда. Она была «дочерью дяди» Мардохея, т. е. приходилась двоюродной сестрой ему (ср. [15 ст.](#)).

8. Когда объявлено было повеление царя и указ его, и когда собраны были многие девицы в престольный город Сузы под надзор Гегая, тогда взята была и Есфирь в царский дом под надзор Гегая, стража жен.

9. И понравилась эта девица глазам его и приобрела у него благоволение, и он поспешил выдать ей притиранья и все, назначенное на часть ее, и приставить к ней семь девиц, достойных быть при ней, из дома царского, и переместил ее и девиц ее в лучшее отделение женского дома.

10. Не сказывала Есфирь ни о народе своем, ни о родстве своем, потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала.

10. По приказанию Мардохея, Есфирь не сказывает никому «ни о народе своем, ни о родстве своем». Эта предосторожность дает понять, что иудеи и тогда уже должны были считаться с предубеждением против них; тем более в качестве народа пленного им лишь в редких случаях удавалось войти в доверие и расположение высших сословий и особенно при

дворе.

11. И всякий день Мардохей приходил ко двору женского дома, чтобы наведываться о здоровье Есфири и о том, что делается с нею.

12. Когда наступало время каждой девице входить к царю Артаксерксу, после того, как в течение двенадцати месяцев выполнено было над нею все, определенное женщинам, — ибо столько времени продолжались дни притирания их: шесть месяцев мирровым маслом и шесть месяцев ароматами и другими притираниями женскими, —

13. тогда девица входила к царю. Чего бы она ни потребовала, ей давали всё для выхода из женского дома в дом царя.

14. Вечером она входила и утром возвращалась в другой дом женский под надзор Шаазгаза, царского евнуха, стража наложниц; и уже не входила к царю, разве только царь пожелал бы ее, и она призывалась бы по имени.

15. Когда настало время Есфири, дочери Аминадава, дяди Мардохея, который взял ее к себе вместо дочери, — идти к царю, тогда она не просила ничего, кроме того, о чем сказал ей Гегай, евнух царский, страж жен. И приобрела Есфирь расположение к себе в глазах всех, видевших ее.

16. И взята была Есфирь к царю Артаксерксу, в царский дом его, в десятом месяце, то есть в месяце Тебефе, в седьмой год его царствования.

17. И полюбил царь Есфирь более всех жен, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девиц; и он возложил царский венец на голову ее и сделал ее царицею на место Астинь.

18. И сделал царь большой пир для всех князей своих и для служащих

при нем, — пир ради Есфири, и сделал льготу областям и роздал дары с царственной щедростью.

18. *«Пир ради Есфири»* — буквальный: возле пира Есфири, т. е. точнее (преемственно-последовательное соседство): вслед за пиром Есфири (брачным), царь устроил другой пир.

19. И когда во второй раз собраны были девицы, и Мардохей сидел у ворот царских,

19. *«Когда во второй раз собраны были девицы»*, это именно тот раз, который только что был упомянут и в который из всех девиц выбрана была в замену Астини — Есфирь. После избрания Есфири нового еще собрания девиц было уже не нужно. «Вторым» это собрание было в отличие от того (первого), в который избрана была некогда Астинь, так как девицы собирались к царю вообще тогда, когда нужно было избрать царицу.

Второе собрание девиц и счастливая перемена судьбы Есфири, сделавшейся царицей, сообщило перемену и положению Мардохея. Он *«сидел теперь у ворот царских»*, т. е. стал одним из царских чиновников, благодаря тому, что, сохраняя в секрете свое еврейство, Есфирь не скрыла своих дочеринских отношений к Мардохею.

20. Есфирь все еще не сказывала о родстве своем и о народе своем, как приказал ей Мардохей; а слово Мардохея Есфирь выполняла и теперь так же, как тогда, когда была у него на воспитании.

21. В это время, как Мардохей сидел у ворот царских, два царских евнуха, Гавафа и Фарра, оберегавшие порог, озлобились (за то, что предпочтен был Мардохей), и замыслили наложить руку на царя Артаксеркса.

22. Узнав о том, Мардохей сообщил царице Есфири, а Есфирь сказала царю от имени Мардохея.

23. Дело было исследовано и найдено верным, и их обоих повесили на дереве. И было вписано о благодеянии Мардохея в книгу дневных записей у царя.

21–23. «Оберегавшие порог»: обозначение особой должности лиц, ближайших к царю; в чем состояла эта должность, с точностью неизвестно.

Обстоятельства заговора, имена заговорщиков и проч. подробности в общем представляют все то же, что повторяется в I добавлении к книге (перед I гл.). Разница только та, что — по смыслу добавления — наградой Мардохею, кроме подарков, было еще какое-то особое приближение ко дворцу, отличное от того, которое он уже имел со времени возведения Есфири в звание царицы; между тем как — по смыслу основного текста книги (в данном месте) — было только «*вписано о благодеянии Мардохея в книгу дневных записей у царя*» (ср. [VI:3](#)). Последнее представление дела, по-видимому, более гармонирует с основным текстом, и делает излишним для объяснения приближения Мардохея к царскому двору пользоваться заговором, исход которого сам предполагает уже близость Мардохея к дворцовой жизни, достаточно оправдываемую близостью Мардохея к своей воспитаннице-царице. Впрочем, [VIII:1](#) ст. как будто дает понять, что первоначальное приближение Мардохея ко дворцу не состояло в непосредственной связи ни с родством его с Есфирью, ни для кого пока неизвестным, ни с заговором, ничего особенного не доставившим Мардохею и предполагающим уже достаточную близость Мардохея к царю.

1–2. Возвышение Амана. 3–7. Решение его истребить иудеев за противление Мардохея. 8–15. Исходатайствование царского указа на это. — (После 13-го стиха). — II-е добавление к книге: текст указа Амана против иудеев.

1. После сего возвеличил царь Артаксеркс Амана, сына Амадафа, Вугеянина, и вознес его, и поставил седалище его выше всех князей, которые у него;

1. Об Амани см. выше, к I-му добавлению.

2. и все служащие при царе, которые были у царских ворот, кланялись и падали ниц пред Аманом, ибо так приказал царь. А Мардохей не кланялся и не падал ниц.

3. И говорили служащие при царе, которые у царских ворот, Мардохею: зачем ты престопаешь повеление царское?

4. И как они говорили ему каждый день, а он не слушал их, то они донесли Аману, чтобы посмотреть, устоит ли в слове своем Мардохей, ибо он сообщил им, что он Иудеянин.

4. Сообщение Мардохея, что он иудеянин (обязанный воздавать божеское почтение одному Иегове), давало не только объяснение того, почему он не падал ниц перед Аманом, но и означало сильнейшую непреклонность его на то, чтобы поступать как-либо иначе. Это, естественно, поджигало доносчиков, желавших «посмотреть, устоит ли в слове (своем) Мардохей», или возьмет верх сила Амана.

5. И когда увидел Аман, что Мардохей не кланяется и не падает ниц пред ним, то исполнился гнева Аман.

6. И показалось ему ничтожным наложить руку на одного Мардохея; но

так как сказали ему, из какого народа Мардохей, то задумал Аман истребить всех Иудеев, которые были во всем царстве Артаксеркса, как народ Мардохеев.

5–6. Намерение Амана уничтожить не одного только Мардохея, но и весь соплеменный ему народ, порождалось не просто силой гнева, презрения и злобы его на поступок Мардохея; одно это было бы слишком неестественно даже и для Аманова бесчеловечия. Последнее, очевидно, имело и в народе, обреченном на гибель, свои независимые от Мардохея оправдания в глазах Амана. В ряду таких оправданий первое место, по справедливости, отводится исконной расовой ненависти амаликитян к иудеям, если действительно Аман должен быть считаем амаликитянином, как потомок Агага (1 Цар XV гл.).

7. (И сделал совет) в первый месяц, который есть месяц Нисан, в двенадцатый год царя Артаксеркса, и бросали пур, то есть жребий, пред лицом Амана изо дня в день и из месяца в месяц, (чтобы в один день погубить народ Мардохеев, и пал жребий) на двенадцатый месяц, то есть на месяц Адар.

7. Существует другой перевод этого не совсем ясного стиха, — дословнее передающий выражение подлинника: «с первого месяца (это месяц нисан) двенадцатого года царствования Агасвера, бросали пред Аманом на каждый день пур, т. е. жребий, от месяца до двенадцатого месяца (это месяц адар)».

8. И сказал Аман царю Артаксерксу: есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и законы их отличны от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует так оставлять их.

8. *«И царю не следует так оставлять их»* — более правильное понимание подлинника представляют другие переводы этого места: «и не боятся изменить царю».

9. Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их, и десять тысяч талантов серебра я отвешу в руки приставников, чтобы внести в казну царскую.

9. «10 000 талантов серебра» — огромная сумма в несколько миллионов рублей на наши деньги. Обещание такой суммы для Амана не представляло ничего невозможного: обещанное могло достаточно окупиться через конфискацию имущества убитых ([13 ст.](#)).

10. Тогда снял царь перстень свой с руки своей и отдал его Аману, сыну Амадафа, Вугеянину, чтобы скрепить указ против Иудеев.

11. И сказал царь Аману: отдаю тебе это серебро и народ; поступи с ним, как тебе угодно.

12. И призваны были писцы царские в первый месяц, в тринадцатый день его, и написано было, как приказал Аман, к сатрапам царским и к начальствующим над каждою областью (от области Индийской до Ефиопии, над ста двадцатью семью областями), и к князьям у каждого народа, в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его: все было написано от имени царя Артаксеркса и скреплено царским перстнем.

12. Достоин внимания в данном стихе различие разных степеней народных правителей; таковы «сатрапы» — царские наместники более крупных административных единиц, от времени до времени обзревавшие свои области для проверки управления; затем «начальствующие над каждою областью», т. е. паши — непосредственные правители, и, наконец, — «князья у каждого народа», это — собственные племенные вожди преимущественно кочевых племен, рассеянных по различным областям монархии.

13. И посланы были письма через гонцов во все области царя, чтобы убить, погубить и истребить всех Иудеев, малого и старого, детей и женщин в один день, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара, и имение их разграбить. (Вот список с этого письма: великий царь Артаксеркс начальствующим от Индии до Ефиопии над ста двадцатью семью областями и подчиненным им наместникам. Царствуя над многими народами и властвуя над всею вселенною, я хотел, не превозносясь гордостью власти, но управляя всегда кротко и тихо, сделать жизнь подданных постоянно безмятежною и, соблюдая царство свое мирным и удобопроходимым до пределов его, восстановить желаемый для всех людей мир. Когда же я спросил

советников, каким бы образом привести это в исполнение, то отличающийся у нас мудростью и пользующийся неизменным благоволением, и доказавший твердую верность, и получивший вторую честь по царю, Аман объяснил нам, что во всех племенах вселенной замешался один враждебный народ, по законам своим противный всякому народу, постоянно пренебрегающий царскими повелениями, дабы не благоустроилось безукоризненно совершаемое нами соуправление. Итак, узнав, что один только этот народ всегда противится всякому человеку, ведет образ жизни, чуждый законам, и, противясь нашим действиям, совершает величайшие злодеяния, чтобы царство наше не достигло благосостояния, мы повелели указанных вам в грамотах Амана, поставленного над делами и второго отца нашего, всех с женами и детьми всецело истребить вражескими мечами, без всякого сожаления и пощады, в тринадцатый день двенадцатого месяца Адара настоящего года, чтобы эти и прежде и теперь враждебные люди, быв в один день насильно низвергнуты в преисподнюю, не препятствовали нам в последующее время проводить жизнь мирно и безмятежно до конца.)

13. Добавление II-е — содержит текст указа Амана против иудеев, в дополнение к простому лишь упоминанию подлинника об этом указе в данном и дальнейших стихах.

Имя народа, осужденного на истребление, в указе прямо не называется: однако о нем легко догадаться уже по характеристике его в указе (прямо он называется в [6 ст.](#), [10 ст.](#) и [IV:3](#)). Для тех, кто получал этот указ к сведению и исполнению, имя народа — надо полагать — было названо и прямо, в каких-либо дополнительных инструкциях, а может быть, и в самом указе, настоящем, подлинном.

«Соуправление» — (συναρχία) — т. е. царя с Аманом. Царь позволяет определить таким образом свои отношения к Аману в угоду ему и не в ущерб своей самодовлеющей и неограниченной власти, подобно тому как далее усвоит ему почетный титул «второго отца нашего», выражаясь применительно к тому, чем должен быть, по воле царя, Аман для его подданных.

Днем избиения иудеев греческий текст указа называет 14-е число адара, между тем еврейский оригинал книги везде указывает 13-е число ([III:13](#); [VIII:12](#); [IX:1](#)). Эта неопределенность могла явиться или от недостаточной осведомленности самого предания, или от отсутствия подлинной редакции указа. По обычному преданию иудеев, днем избиения вспоминается 13-е число, 14-е же и 15-е число празднуются как праздники освобождения от 13-го, хотя могло быть и то, что 14-е число, предназначенное к избиению иудеев, стало праздником, как день спасения от этого избиения.

14. Список с указа отдать в каждую область как закон, объявляемый для всех народов, чтобы они были готовы к тому дню.

15. Гонимые отправились быстро с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе; и царь и Аман сидели и пили, а город Сузы был в смятении.

14–15. Крайняя жестокость и кровожадность указа не представляют чего-либо совершенно невероятного по тому времени. Если в позднейшее, даже христианское время возможны были Сицилийские вечера и Варфоломеевские ночи, и теперь еще порой воскресают ужасы еврейских погромов, то для тех времен и для тех царей и подавно подобные кровавые гекатомбы были совершенно явлением безупречным. История знает и другой совершенно сходный случай повторения указа на истребление целого народа: это было при царе Митридате, который тайным декретом повелел однажды умертвить в один день всех римлян (до 150 000 человек), обитавших в Малой Азии.

Указ об истреблении иудеев сопровождался указом о всеобщей мобилизации, во исполнение чего всему военно-способному мужскому населению страны (за исключением иудейского) предписывалось к назначенному дню быть готовым выступить под оружием («для всех народов, чтоб они были готовы к тому дню»).

Тревога, вызванная этой мобилизацией, не просто ограничивалась иудеями престольного города («город Сузы был в смятении»), но была всеобщей и понятной, так как — при отсутствии, вероятно, прямого указания на назначение столь грандиозной мобилизации, неведение сущности дела многих побуждало задумываться: «к чему созыв воинов? не возобновляется ли снова какая-нибудь несчастная война, не последуют ли за этим новые военные поборы, новые бремена не отяготят ли над страной?»

1–3. Скорбь Мардохея и иудеев. 4–14. Извещение Есфири и требование ее заступничества перед царем. 15–17. 3-е добавление к книге: обращение Мардохея к Есфири (кон. 8 стиха). Трехдневный пост иудеев. 4-е добавление к книге: молитвы Мардохея и Есфири.

1. Когда Мардохей узнал все, что делалось, разодрал одежды свои и возложил на себя вретиче и пепел, и вышел на средину города и взывал с воплем великим и горьким: (истребляется народ ни в чем не повинный!)

1. Благодаря близости своей ко двору, Мардохей скорее других узнал и понял весь ужас готовящегося, и — хотя бы для других было еще сокрыто назначение всеобщей, всех волновавшей мобилизации, он уже знал все.

Подлинник не приводит того, что восклицал в своей горести Мардохей, имевший столь жалостный, покаянно-траурный вид — во вретиче и пепле. Это нетрудно представить самому читателю. Приводимые в скобках слова представляют заимствование из греческого текста.

2. И дошел до царских ворот (и остановился,) так как нельзя было входить в царские ворота во вретиче (и с пеплом).

2. Слова в скобках заимствованы из греческого текста.

3. Равно и во всякой области и месте, куда только доходило повеление царя и указ его, было большое сетование у Иудеев, и пост, и плач, и вопль; вретиче и пепел служили постелью для многих.

3. «Вретиче и пепел служили постелью для многих» — другие переводят более точно: «многие одевались во вретиче и пепел».

4. И пришли служанки Есфири и евнухи ее и рассказали ей, и сильно встревожилась царица. И послала одежды, чтобы Мардохей надел их и снял с себя вретиче свое. Но он не принял.

5. Тогда позвала Есфирь Гафаха, одного из евнухов царя, которого он приставил к ней, и послала его к Мардохею узнать: что это и отчего это?

4–5. Есфирь, очевидно, осталась еще в совершенном неведении относительно того, что в таком печальном виде привело Мардохея к воротам дворца. Это показывает — сколько способность Мардохея быстро входить в «курс дел», совершавшихся при дворе, так и то, в какой тиши и таинственности родилось это кровожадное и чудовищное предприятие Амана.

Непринятие Мардохеем одежд на смену вретича служило для Есфири знаком сильнейшего сетования, ни на минуту не могущего быть прерванным ввиду сильнейшего горя. Это побуждает Есфирь употребить другой способ узнать причину его скорби — посланием особого евнуха, быть может, тоже из иудеев — для подробных расспросов Мардохея.

6. И пошел Гафрах к Мардохею на городскую площадь, которая пред царскими воротами.

7. И рассказал ему Мардохей обо всем, что с ним случилось, и об определенном числе серебра, которое обещал Аман отвесить в казну царскую за Иудеев, чтобы истребить их;

8. и вручил ему список с указа, обнародованного в Сузах, об истреблении их, чтобы показать Есфири и дать ей знать обо всем; притом наказывал ей, чтобы она пошла к царю и молила его о помиловании и просила его за народ свой, (вспомнив дни смирения своего, когда она воспитывалась под рукою моею, потому что Аман, второй по царю, осудил нас на смерть, и чтобы призвала Господа и сказала о нас царю, да избавит нас от смерти).

8. Мардохей вручает посланному Есфири и сам указ Амана — новое доказательство полного неведения об этом Есфири.

Слова в скобках передают подробности греческого текста (добавление III-е), где обращение Амана к Есфири выражается непосредственно (формы 1-го и 2-го лица, что отчасти только сохранил перевод в выражениях «моей», «нас» и т. д.).

9. И пришел Гафях и пересказал Есфири слова Мардохея.

10. И сказала Есфирь Гафаху и послала его сказать Мардохею:

11. все служащие при царе и народы в областях царских знают, что всякому и мужчине и женщине, кто войдет к царю во внутренний двор, не быв позван, один суд — смерть; только тот, к кому прострет царь свой золотой скипетр, останется жив. А я не звана к царю вот уже тридцать дней.

11. Некоторые вариации вместо *тридцати* дней указывают *три* дня неприглашения Есфири к царю. И то и другое может иметь свою большую или меньшую вероятность.

12. И пересказали Мардохею слова Есфири.

13. И сказал Мардохей в ответ Есфири: не думай, что ты одна спасешься в доме царском из всех Иудеев.

14. Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете. И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла достоинства царского?

14. Все исследователи обращают внимание на то, что еврейский оригинал книги нигде не называет имени Божия, и как будто даже намеренно старается избегать этого. Так, в настоящем месте, при всей естественности и даже потребности упоминания Бога, книга маскирует его туманными выражениями («*другого места*»), а, может быть, даже и здесь прямо не имеет Его в виду. В объяснение этого странного явления полагают, что автор книги, вероятно, заимствовал свое повествование из какой-либо персидской придворной хроники, на которую он, действительно, указывает в заключение своего труда ([X:2](#)), и что лишь потом — от иудейской, м. б. Мардохеевой руки — это происшествие было несколько подрисовано и приспособлено к иудейско-религиозным представлениям.

15. И сказала Есфирь в ответ Мардохею:

16. пойдѣ, собери всехъ Иудеевъ, находящихся въ Сузахъ, и поститесь ради меня, и не ешьте и не пейте три дня, ни днемъ, ни ночью, и я съ служанками моими буду также поститься и потомъ пойду къ царю, хотя это противъ закона, и если погибнуть — погибну.

16. «Поститесь ради меня», т. е. ради успеха дѣла, на которое самоотверженно приготовилась Есфирь.

17. И пошелъ Мардохей и сдѣлалъ, какъ приказала ему Есфирь. (И молился онъ Господу, вспоминая все дѣла Господни, и говорилъ: Господи, Господи, Царю, Вседержителю! Все въ Твоей власти, и нетъ противящагося Тебѣ, когда Ты захочешь спасти Израиля; Ты сотворилъ небо и землю и все дивное въ поднебесной; Ты — Господь всехъ, и нетъ такого, кто воспротивился бы Тебѣ, Господу. Ты знаешь все; Ты знаешь, Господи, что не для обиды и не по гордости и не по тщеславию я дѣлалъ это, что не поклонялся тщеславному Аману, ибо я охотно сталъ бы лобызать слѣды ногъ его для спасенія Израиля; но я дѣлалъ это для того, чтобы не воздать славы человеку выше славы Божией и не поклоняться никому, кроме Тебя, Господа моего, и я не стану дѣлать этого по гордости. И ныне, Господи Боже, Царю, Боже Авраамовъ, пощади народъ Твой; ибо замышляютъ намъ гибель и хотятъ истребить изначальное наследіе Твое; не презри достоянія Твоего, которое Ты избавилъ для Себя изъ земли Египетской; услышь молитву мою и умилосердись надъ наследіемъ Твоимъ и обрати сетованіе наше въ веселіе, дабы мы, живя, воспевали имя твое, Господи, и не погуби устъ, прославляющихъ Тебя, Господи. И все Израильтяне взывали всеми силами своими, потому что смерть ихъ была предъ глазами ихъ. И царица Есфирь прибѣгла къ Господу, объятая смертною горестью, и, снявъ одежды славы своей, облеклась въ одежды скорби и сетованія, и, вместо многоценныхъ мастей, пепломъ и прахомъ посыпала голову свою, и весьма изнурила тело свое, и всякое место, украшаемое въ веселіи ея, покрыла распущенными волосами своими, и молилась Господу Богу Израилеву, говоря: Господи мой! Ты одинъ Царь нашъ; помоги мнѣ, одинокой и не имеющей помощника, кроме Тебя; ибо беда моя близъ меня. Я слышала, Господи, отъ отца моего, въ родномъ колѣне моемъ, что ты, Господи, избралъ себе Израиля изъ всехъ народовъ и отцовъ нашихъ изъ всехъ предковъ ихъ въ наследіе вечное, и сдѣлалъ для нихъ то, о чемъ говорилъ имъ. И ныне мы согрешили предъ Тобою, и предалъ Ты насъ въ руки враговъ нашихъ за то, что мы славили боговъ ихъ: праведенъ Ты, Господи! А ныне они не удовольствовались горькимъ рабствомъ нашимъ, но положили руки свои въ руки идоловъ своихъ, чтобы ниспровергнуть заповѣдь устъ Твоихъ, и истребить наследіе Твое, и заградить уста

воспевающих Тебя, и погасить славу храма Твоего и жертвенника Твоего, и отверзть уста народов на прославление тщетных богов, и царю плотскому величаться вовек. Не предай, Господи, скипетра Твоего богам несуществующим, и пусть не радуются падению нашему, но обрати замысел их на них самих: наветника же против нас предай позору. Помяни, Господи, яви Себя нам во время скорби нашей и дай мне мужество. Царь богов и Владыка всякого начальства! даруй устам моим слово благоприятное пред этим львом и исполни сердце его ненавистью к преследующему нас, на погибель ему и единомышленникам его; нас же избавь рукою Твоею и помоги мне, одинокой и не имеющей помощника, кроме Тебя, Господи. Ты имеешь ведение всего и знаешь, что я ненавижу славу незаконных и гнушаюсь ложа необрезанных и всякого иноплеменника; Ты знаешь необходимость мою, что я гнушаюсь знака гордости моей, который бывает на голове моей во дни появления моего, гнушаюсь его, как одежды, оскверненной кровью, и не ношу его во дни уединения моего. И не вкушала раба Твоя от трапезы Амана и не дорожила пиром царским, и не пила вина идоложертвенного, и не веселилась раба Твоя со дня перемены судьбы моей доньше, кроме как о Тебе, Господи Боже Авраамов. Боже, имеющий силу над всеми! услышь голос безнадежных, и спаси нас от руки злоумышляющих, и избавь меня от страха моего.)

Молитвы Мардохея и Есфири (добавление IV) — представляют риторическое выражение их настроения в столь трагические минуты, подобно тем речам, которые так любят влагать в уста изображаемых героев греческие писатели, достигая в этом искусстве иногда удивительного совершенства. Общая идея молитвы — избавление от страшной опасности, причем Есфирь — частнее — молится прежде всего об успехе своего дерзновенного намерения — явиться к царю без его зова — вопреки закону. Характерная особенность молитвы Мардохея, в отличие от Есфириной, — оправдание своего противодействия Аману, послужившего ближайшим поводом к настоящему несчастью и как бы делавшего Мардохея ответственным за все.

«И я не стану делать этого по гордости» — повторение вышесказанного Мардохеем о том, что по одной только гордости (без других более важных побуждений) он не стал бы так упорно отказывать в поклонении Аману, что привело к такой опасности весь народ.

«Дабы мы, живя» (ζώντες), т. е. оставшись живыми, вопреки замыслу Амана, «воспевали Имя Твое».

«Снявши одежды славы своей», т. е. одежды царские.

«Положили руки свои в руки идолов своих», т. е. совершенно отдали себя во власть своих идолов, предались идолопоклонству и поруганию Единого Истинного Бога.

«Царю плотскому», т. е. человеческому, персидскому, в противоположность Царю Небесному, Богу.

«Наветника же против нас, т. е. Амана, предай позору».

«Царь богов» — Бог Богов (ὁ θεός τῶν θεῶν, Пс LXXXV:8) — богов, не в смысле живых существ, а в смысле τῶν μ ὄντων, как они обозначаются выше («не предай скипетра Твоего»

τοῖς μή οὔσι).

«*Пред этим львом*» — т. е. царем персидским. Лев — символ силы и грозности, страшности.

«*Ненавистью к преследующему нас*», т. е. Аману.

«*Знака гордости моей... на голове моей*, т. е. царской диадемы, *во дни появления моего*», т. е. или перед царем или вообще в торжественных, требующих того, случаях.

1–2. V добавление к книге: подробности посещения Есфирью царя Агасвера. 3–8. Первый пир для царя и Амана у Есфири. 9–14. Новое столкновение Амана с Мардохеем и приготовления к казни последнего первым.

1. На третий день Есфирь (перестав молиться, сняла одежды сетования и) оделась по-царски, (и сделавшись великолепною, призывая всевидца Бога и Спасителя, взяла двух служанок, и на одну опиралась, как бы предавшись неге, а другая следовала за нею, поддерживая одеяние ее. Она была прекрасна во цвете красоты своей, и лице ее радостно, как бы исполненное любви, но сердце ее было стеснено от страха). И стала она на внутреннем дворе царского дома, перед домом царя; царь же сидел тогда на царском престоле своем, в царском доме, прямо против входа в дом, (облеченный во все одеяние величия своего, весь в золоте и драгоценных камнях, и был весьма страшен). Когда царь увидел царицу Есфирь, стоящую на дворе, она нашла милость в глазах его. (Обратив лице свое, пламеневшее славою, он взглянул с сильным гневом; и царица упала духом и изменилась в лице своем от ослабления и склонилась на голову служанки, которая сопровождала ее. И изменил Бог дух царя на кротость, и поспешно встал он с престола своего и принял ее в объятия свои, пока она не пришла в себя. Потом он утешил ее ласковыми словами, сказав ей: что тебе, Есфирь? Я — брат твой; ободрись, не умрешь, ибо наше владычество общее; подойди.)

2. И простер царь к Есфири золотой скипетр, который был в руке его, и подошла Есфирь и коснулась конца скипетра, (и положил царь скипетр на шею ее и поцеловал ее и сказал: говори мне. И сказала она: я видела в тебе, господин, как бы Ангела Божия, и смутилось сердце мое от страха пред славою твоею, ибо дивен ты, господин, и лице твое исполнено благодати. — Но во время беседы она упала от ослабления; и царь смутился, и все слуги его утешали ее).

1–2. Слова, заключенные в скобках в 1 и 2 стихах настоящей главы, представляют V крупную вставку в книгу, старающуюся своими подробностями достойнее обрисовать величественный момент появления Есфири перед Агасвером, до того сухо переданный оригинальным (евр.) текстом, что, напр., из него совершенно не видно, чтобы Есфирь пережила какое-либо потрясение и страх от царя прежде своей беседы с ним. «Благоволение» царя здесь предупреждает все, совершенно совпадая с моментом, когда царь «увидел» Есфирь.

3. И сказал ей царь: что тебе, царица Есфирь, и какая просьба твоя? Даже до полуцарства будет дано тебе.

4. И сказала Есфирь: (ныне у меня день праздничный;) если царю благоугодно, пусть придет царь с Аманом сегодня на пир, который я приготовила ему.

5. И сказал царь: сходите скорее за Аманом, чтобы сделать по слову Есфири. И пришел царь с Аманом на пир, который приготовила Есфирь.

6. И сказал царь Есфири при питье вина: какое желание твое? оно будет удовлетворено; и какая просьба твоя? хотя бы до полуцарства, она будет исполнена.

7. И отвечала Есфирь, и сказала: вот мое желание и моя просьба:

8. если я нашла благоволение в очах царя, и если царю благоугодно удовлетворить желание мое и исполнить просьбу мою, то пусть царь с Аманом придет (еще завтра) на пир, который я приготовлю для них, и завтра я исполню слово царя.

3–8. Не объявляя сразу своей просьбы, Есфирь приглашает царя вместе со своим злейшим врагом к себе на трапезу: так как царская причуда решала судьбу лиц и народов при вине, при вине же обычно решались важнейшие государственные затруднения, то при вине же — после пирушки во дворце Есфири, и в данном случае царь осведомляется о желаниях царицы. Впрочем, Есфирь — как видно — чувствовала себя на первый день еще недостаточно твердой, чтобы выступить со столь рискованной попыткой к ниспровержению царского любимца, и назначает на следующий день новый пир, на котором и обещает высказать свое дело. Писатель не повествует нам, какое другое еще средство пришло здесь на помощь Есфири, чтобы потрясти прочное положение временщика; но это во всяком случае правдоподобно, что на монарха воздействовали еще с другой стороны, чтобы поколебать его расположение к Аману, и посему-то, как будто, бессонница Агасвера в ночь, следовавшую за пирушкой у Есфири, не могла быть, как кажется, простой случайностью.

9. И вышел Аман в тот день веселый и благодушный. Но когда увидел

Аман Мардохея у ворот царских, и тот не встал и с места не тронулся пред ним, тогда исполнился Аман гневом на Мардохея.

9. Уже после того, как непоклонение Мардохея Аману дало повод и как бы косвенную причину смертельной опасности для иудеев, Мардохей остается последовательным и верным себе, подтверждая верность своих слов (см. молитва его), что не по *гордости*, а по *убеждению* религиозному поступает так.

10. Однако же скрепился Аман. А когда пришел в дом свой, то послал позвать друзей своих и Зерешь, жену свою.

11. И рассказывал им Аман о великом богатстве своем и о множестве сыновей своих и обо всем том, как возвеличил его царь и как вознес его над князьями и слугами царскими.

12. И сказал Аман: да и царица Есфирь никого не позвала с царем на пир, который она приготовила, кроме меня; так и на завтра я зван к ней с царем.

13. Но всего этого не довольно для меня, доколе я вижу Мардохея Иудеянина сидящим у ворот царских.

14. И сказала ему Зерешь, жена его, и все друзья его: пусть приготовят дерево вышиною в пятьдесят локтей, и утром скажи царю, чтобы повесили Мардохея на нем, и тогда весело иди на пир с царем. И понравилось это слово Аману, и он приготовил дерево.

10–14. Гордость и честолюбие Амана настолько снедали его, что он уже не мог долее терпеть непокорного ему Мардохея, — не мог ждать, когда его постигнет приготовленная ему участь вместе с другими иудеями, и старается для него ускорить эту участь и сделать ее возможно более позорной. На собрании друзей и близких своих, Аман дает всю волю своему горькому чувству уязвленного самолюбия, сопоставляет со своим возвеличенным положением при дворе столь резкий контраст — дерзкое отношение Мардохея и жалуется, что не может более быть спокойным, доколе он будет видеть Мардохея «*сидящим у ворот*

царских». Собрание друзей, во главе с женой Амана, отвечает на это угоднейшим для самого Амана советом: приготовить виселицу для Мардохея и выхлопотать от царя разрешение назавтра же повесить ослушника.

1–3. Царь вспоминает о заслуге Мардохея и изъявляет желание наградить его. 4–11. Аман, не подозревая, изобретает высшую награду, причем сам же оказывается исполнителем царской воли о возвеличении Мардохея. 12–14. Разочарование Амана.

1. В ту ночь Господь отнял сон от царя, и он велел (слуге) принести памятную книгу дневных записей; и читали их пред царем,

1. Более точный перевод (без упоминания имени Божия): «в ту ночь сон бежал от царя...»

2. и найдено записанным там, как донес Мардохей на Гавафу и Фарру, двух евнухов царских, оберегавших порог, которые замыслили наложить руку на царя Артаксеркса.

3. И сказал царь: какая дана почесть и отличие Мардохею за это? И сказали отроки царя, служившие при нем: ничего не сделано ему.

3. «Ничего не сделано ему» — говорят «отроки» царя на вопрос о награждении Мардохея. Греческая прибавка (перед I главой), напротив, в числе последствий услуги Мардохея — указывает то, что «приказал царь Мардохею служить при дворце и дал ему подарки за это». Выше уже было сказано, что приближение Мардохея ко двору достаточно оправдывается и другими причинами (приближение Есфири), и потому, признавая во всяком случае большую естественность того, что дело обстояло так, как передается в данном месте, можно употребить лишь некоторое усилие примирить с этим противоречивую, по-видимому, подробность греческой прибавки. Можно допустить, что Мардохей в свое время действительно получил что-то и какие-то подарки за свою услугу, но это «что-то» и «подарки» были так ничтожны по сравнению с величием услуги, что легко могли быть забыты к этому времени и давали полное основание сказать, что «ничего не сделано ему» (Мардохею).

4. (Когда царь расспрашивал о благодеянии Мардохея, пришел на двор Аман,) и сказал царь: кто на дворе? Аман же пришел тогда на внешний двор царского дома поговорить с царем, чтобы повесили Мардохея на дереве, которое он приготовил для него.

5. И сказали отроки царю: вот, Аман стоит на дворе. И сказал царь: пусть войдет.

6. И вошел Аман. И сказал ему царь: что сделать бы тому человеку, которого царь хочет отличить почестью? Аман подумал в сердце своем: кому другому захочет царь оказать почесть, кроме меня?

7. И сказал Аман царю: тому человеку, которого царь хочет отличить почестью,

8. пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и приведут коня, на котором ездит царь, возложат царский венец на голову его,

9. и пусть подадут одеяние и коня в руки одному из первых князей царских, — и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестью, и выведут его на коне на городскую площадь, и провозгласят пред ним: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестью!

10. И сказал царь Аману: (хорошо ты сказал;) тотчас же возьми одеяние и коня, как ты сказал, и сделай это Мардохею Иудеянину, сидящему у царских ворот; ничего не опусти из всего, что ты говорил.

4–11. Едва ли можно придумать более жгучее уязвление гордости и самолюбия, какое представляло приказание царя Аману относительно Мардохея. Человек, которого сам царь вознес на такую высоту, что называл его «вторым» по себе, «отцом» и т. п. и отличил такими почестями, как поклонение ниц подданных перед ним, — должен был исполнить роль слуги в триумфе своего заклятого врага, которому он даже приготовил уже и виселицу. Помимо объяснения этой неожиданно-непостижимой подмены ролей устройением Промысла Божьего, каравшего здесь вышедшую из берегов гордость и самомнение Амана, мы можем допустить здесь и то предположение, что царский любимец уже начал сильно падать в глазах царя к этому времени, и значит жалоба Есфири была лишь последним довершением его поражения, правда — наиболее сильным и решительным.

11. И взял Аман одеяние и коня и облек Мардохея, и вывел его на коне на

городскую площадь и провозгласил пред ним: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестью!

12. И возвратился Мардохей к царским воротам. Аман же поспешил в дом свой, печальный и закрыв голову.

13. И пересказал Аман Зерешу, жене своей, и всем друзьям своим все, что случилось с ним. И сказали ему мудрецы его и Зерешь, жена его: если из племени Иудеев Мардохей, из-за которого ты начал падать, то не пересилишь его, а наверно падешь пред ним, (ибо с ним Бог живый).

14. Они еще разговаривали с ним, как пришли евнухи царя и стали торопить Амана идти на пир, который приготовила Есфирь.

12–14. Необычайная судьба, какую иудеи переживали со времен Кира Персидского, вызывала между другими народами то зависть и неприязнь, пользовавшиеся всякими случаями к проявлению, то — с другой стороны — безотчетно мистическую боязнь, как перед какой-то особой загадочно живучей силой, охраняемой еще другой высшей неодолимой силой (Божества). Это именно слышится в предостережении, высказанном Аману на его втором семейном совете — после только что описанного приключения с Мардохеем: *«если из племени иудеев Мардохей, из-за которого ты начал падать, то не пересилишь его, а наверно падешь пред ним (ибо с ним Бог живый)»*.

1–6. Второй пир у Есфири: изложение просьбы. 7–10. Осуждение и казнь Амана.

1. И пришел царь с Аманом пировать у Есфири царицы.

2. И сказал царь Есфири также и в этот второй день во время пира: какое желание твое, царица Есфирь? оно будет удовлетворено; и какая просьба твоя? хотя бы до полуцарства, она будет исполнена.

3. И отвечала царица Есфирь и сказала: если я нашла благоволение в очах твоих, царь, и если царю благоугодно, то да будут дарованы мне жизнь моя, по желанию моему, и народ мой, по просьбе моей!

4. Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление, убиение и погибель. Если бы мы проданы были в рабы и рабыни, я молчала бы, хотя враг не вознаградил бы ущерба царя.

4. «Хотя враг не вознаградил бы ущерба царя» — другая передача мысли подлинника: «но наш враг не вознаградил ущерба царя», т. е. того ущерба, какой должен последовать от погибели столь многих подданных. И вот это-то, а главное то, что не в рабство, а на полное уничтожение продан ее народ, — и заставляет Есфирь не «молчать», а говорить в защиту невинных, с которыми обречена на погибель и та самая, для удовлетворения просьбы которой царь только что обещал не пожалеть даже и полуцарства своего.

5. И отвечал царь Артаксеркс и сказал царице Есфири: кто это такой, и где тот, который отважился в сердце своем сделать так?

5. Ясный, по-видимому, намек Есфири как будто не допускал бы возможности того удивленно-блаженного неведения, в каком царь допытывается дальнейших подробностей сообщения Есфири. Не помнит ли он (быть может, в хмелю же исторгнутое у него) кровавое распоряжение, или не хотел подозревать его связи с Есфирью, только он во всяком случае, при первом имени замешанного здесь «врага» Есфири, считает нужным справиться: «кто это такой, и где тот, который отважился» на это?

6. И сказала Есфирь: враг и неприятель — этот злобный Аман! И Аман загрепетал пред царем и царицею.

7. И царь встал во гневе своем с пира и пошел в сад при дворце; Аман же остался умолять о жизни своей царицу Есфирь, ибо видел, что определена ему злая участь от царя.

6–7. Резкое и смелое указание Есфири на Амана как будто вовсе не является для царя слишком неожиданным, поразительным для него открытием, и без труда производит желательный переворот в мнении и отношении его к недавнему любимцу. Это еще раз как будто подтверждает догадку, что разочарование в Амани началось у царя несколько раньше, подготовленное другими путями и облегчившее для Есфири столь щекотливое и рискованное дело.

8. Когда царь возвратился из сада при дворце в дом пира, Аман был припавшим к ложу, на котором находилась Есфирь. И сказал царь: даже и насиловать царицу хочет в доме у меня! Слово вышло из уст царя, — и накрыли лице Аману.

8. В момент возвращения царя во дворец из сада, куда он уходил успокоиться от своего гневного волнения, Аман переполнил чашу гнева царя. Умоляя царицу о жизни, он обнаружил неосторожную недостаточно-почтительную близость к ложу ее («Аман был припавшим к ложу»), и это, будучи замечено царем, окончательно сгубило его и решило его участь.

«Даже и насиловать царицу готов в доме у меня!» — несомненная ироническая гипербола, внушавшаяся сильным гневным настроением царя и, конечно, не имевшая точного соответствия действительности: ни Аман, ни Есфирь, ни все окружающее и происходившее нимало не были таковы, чтобы могло быть возможно что-либо подобное.

«Накрыли лице Аману» — в знак того, что, впав в немилость, он не мог уже видеть более своими очами царя.

9. И сказал Харбона, один из евнухов при царе: вот и дерево, которое приготовил Аман для Мардохея, говорившего доброе для царя, стоит у дома Амана, вышиною в пятьдесят локтей. И сказал царь: повесьте его на нем.

9. *«Для Мардохея, говорившего доброе для царя»* — т. е. оказавшего услугу царю известным предупреждением заговора.

**10. И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея.
И гнев царя утих.**

10. Быстрое решение участи Амана едва ли можно допустить и признать естественным, не предположив, как упомянуто выше, уже ранее начавшегося разочарования царя в Амане.

1–2. Возвышение Мардохея. 3–6. Просьбы Есфири об отмене Аманова указа. 7–12. Новый указ к иудеям. 13–17. VI-е добавление к книге: текст указа к иудеям. Распространение указа и впечатление от него.

1. В тот день царь Артаксеркс отдал царице Есфири дом Амана, врага Иудеев; а Мардохей вошел пред лице царя, ибо Есфирь объявила, что он для нее.

1. «Вошел пред лице царя», т. е. сделался ближайшим слугой царя, вместо Амана.

«Есфирь объявила, что он для нее», т. е. объявила о своем родстве с Мардохеем и о всех тех благодеяниях, которые он оказал ей в качестве ее воспитателя.

2. И снял царь перстень свой, который он отнял у Амана, и отдал его Мардохею; Есфирь же поставила Мардохея смотрителем над домом Амана.

3. И продолжала Есфирь говорить пред царем и пала к ногам его, и плакала и умоляла его отвратить злобу Амана Вугеянина и замысел его, который он замыслил против Иудеев.

4. И простер царь к Есфири золотой скипетр; и поднялась Есфирь, и стала пред лицом царя,

5. и сказала: если царю благоугодно, и если я нашла благоволение пред лицом его, и справедливо дело сие пред лицом царя, и нравлюсь я очам его, то пусть было бы написано, чтобы возвращены были письма по замыслу Амана, сына Амадафа, Вугеянина, писанные им об истреблении Иудеев во всех областях царя;

6. ибо, как я могу видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как я могу видеть погибель родных моих?

7. И сказал царь Артаксеркс царице Есфири и Мардохею Иудеянину: вот, я дом Амана отдал Есфири, и его самого повесили на дереве за то, что он налагал руку свою на Иудеев;

8. напишите и вы о Иудеях, что вам угодно, от имени царя и скрепите царским перстнем, ибо письма, написанного от имени царя и скрепленного перстнем царским, нельзя изменить.

3–8. Падением Амана и благодеяниями Есфири и Мардохею — не устранялась страшная участь, угрожавшая иудеям по указу Амана. По персидским законам, раз выпущенный от имени царя указ не мог уже терять свою действительную силу (8 ст.). Поэтому царь, уступая просьбам Есфири, должен был придумать лишь такой компромисс, которым бы изданный указ по возможности ослабил свои действия, если не совсем парализовал оные. Это он предоставил теперь самим Мардохею и Есфири, дав им право и об иудеях (осужденных на гибель) написать, «что вам угодно». Последние слова прямо намекали и уполномочивали написать об иудеях то же самое, что было написано об их противниках, которые в назначенный день должны были с оружием в руках устремиться на иудеев.

9. И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть в месяц Сиван, в двадцать третий день его, и написано было все так, как приказал Мардохей, к Иудеям, и к сатрапам, и областеначальникам, и правителям областей от Индии до Ефиопии, ста двадцати семи областей, в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его, и к Иудеям письменами их и на языке их.

10. И написал он от имени царя Артаксеркса, и скрепил царским перстнем, и послал письма чрез гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских,

11. о том, что царь позволяет Иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен, и имение их разграбить,

12. в один день по всем областям царя Артаксеркса, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара. (Список с этого указа следующий: великий царь Артаксеркс начальствующим от Индии до

Ефиопии над ста двадцатью семью областями и властителям, доброжелательствующим нам, радоваться. Многие, по чрезвычайной доброте благодетелей щедро награждаемые почестями, чрезмерно возгордились и не только подданным нашим ищут причинить зло, но, не могши насытить гордость, покушаются строить козни самим благодетелям своим, не только теряют чувство человеческой признательности, но, кичась надменностью безумных, преступно думают избежать суда всё и всегда видящего Бога. Но часто и многие, будучи облечены властью, чтоб устроить дела доверивших им друзей, своим убеждением делают их виновниками пролития невинной крови и подвергают неисправимым бедствиям, хитросплетением коварной лжи обманывая непорочное благомыслие державных.

Это можно видеть не столько из древних историй, как мы сказали, сколько из дел, преступно совершаемых пред вами злобою недостойно властвующих. Посему нужно озаботиться на последующее время, чтобы нам устроить царство безмятежным для всех людей в мире, не допуская изменений, но представляющиеся дела обсуждая с надлежащей предусмотрительностью. Так Аман Амадафов, Македонянин, поистине чуждый персидской крови и весьма далекий от нашей благодати, быв принят у нас гостем, удостоился благосклонности, которую мы имеем ко всякому народу, настолько, что был провозглашен нашим отцом и почитаем всеми, представляя второе лицо при царском престоле; но, не умерив гордости, замышлял лишить нас власти и души, а нашего спасителя и всегдашнего благодетеля Мардохея и непорочную общницу царства Есфирь, со всем народом их, домогался разнообразными коварными мерами погубить. Таким образом он думал сделать нас безлюдными, а державу Персидскую передать Македонянам. Мы же находим Иудеев, осужденных этим злодеем на истребление, не зловредными, а живущими по справедливейшим законам, сынами Вышнего, величайшего живаго Бога, даровавшего нам и предкам нашим царство в самом лучшем состоянии. Посему вы хорошо сделаете, не приводя в исполнение грамот, посланных Аманом Амадафовым; ибо он, совершивший это, при воротах Сузских повешен со всем домом, по воле владычествующего всем Бога, воздавшего ему скоро достойный суд. Список же с этого указа выставив на всяком месте открыто, оставьте Иудеев пользоваться своими законами и содействуйте им, чтобы восстававшим на них во время скорби они могли отмстить в тринадцатый день двенадцатого месяца Адара, в самый тот день. Ибо владычествующий над всем Бог, вместо гибели избранного рода, устроил им такую радость. И вы, в числе именитых праздников ваших, проводите сей знаменитый день со всем весельем, дабы и ныне и после памятно было спасение для нас и для благорасположенных к нам Персов и погубление строивших нам козни. Всякий город или область вообще,

которая не исполнит сего, нещадно опустошится мечом и огнем и сделается не только необитаемою для людей, но и для зверей и птиц навсегда отвратительною.)

13. Список с сего указа отдать в каждую область, как закон, объявляемый для всех народов, чтоб Иудеи готовы были к тому дню мстить врагам своим.

14. Гонцы, поехавшие верхом на быстрых конях царских, погнались скоро и поспешно, с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе.

9–14. Изложение обстоятельств написания первого (Аманова) указа ([III:12](#), [14–15](#) ст.) почти до буквальности сходными словами повторяется и при изложении обстоятельств написания второго ([VIII:9–10](#), [12–14](#) ст.). Надлежит отметить как будто несколько более значительный, чем следовало бы ожидать, промежуток времени, указываемый между изданием 1-го указа и написанием 2-го. Для первого указа *«призваны были писцы царские в первый месяц (13-й день)»*, тогда как для написания второго *«позваны были тогда царские писцы в третий месяц (23-й день)»*. Чуть не три месяца — как будто многовато в таком важном спешном деле, которое Мардохей мог узнать скорее и, вместе с Есфирью, много раньше попытаться изменить в свою пользу. Нужно, однако, принять в соображение и то, что время призвания писцов не означало точно даты выхода указа: *«призванные в первый месяц»*, писцы могли закончить свое громадное дело (переписки указа во множестве экземпляров) лишь в не один месяц. Могло быть и то, что Мардохей не сразу узнал об Амановом указе, и, когда дело повернулось в его пользу, не так скоро мог приготовить для нового своего указа все необходимое, так что и писцы во второй раз могли быть позваны не сразу после казни Амана. Все это делает достаточно правдоподобным, что второй указ (Мардохеев) отстоял от первого (Аманова) хотя бы и *чуть не три месяца*.

Сущность Мардохеева указа до буквальности воспроизводит сущность Аманова, лишь переменяя роли, или точнее — назначая и иудеям ту же самую роль, какая в Амановом указе предоставлялась лишь их истребителям: по [III:13](#) — предписывалось: *«убить, погубить и истребить всех Иудеев, малого и старого, детей и женщин... и имение их разграбить»*. То же самое и в [VIII:11](#) говорится о позволении царя иудеям — *«собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен, и имение их разграбить»*.

Добавление VI-е (после 12-го ст.) дает точный список указа в пользу иудеев, изданного и разосланного Мардохеем в разрушение силы указа Амана. Текст указа дает несколько достопримечательных подробностей, не выступающих с очевидной ясностью в еврейском тексте. Так, в начале указа намекается, что намерение Амана причинить зло евреям, подданным царя, было вместе некоторого рода покушением на самого царя (*«покушаются*

строить козни самим благодетелям своим»). Далее эта мысль высказывается и еще определеннее: Аман прямо обвиняется в том, что *«замышлял лишить нас (т. е. особу царя) власти и души», «сделать нас безлюдными, а державу Персидскую передать Македонянам»*. Мы уже говорили выше, что мысль о македонском происхождении Амана представляет большую натяжку; нет сомнения, что и обвинение Амана в покушении *«державу Персидскую передать Македонянам»* — должно быть объяснено лишь неудачным приспособлением автора книги к современному ему значению, росту и успехам греческой культуры и преобладания. Заметно также, что составитель указа слишком переусердствовал в восхвалении иудеев и награждении их от имени царя всевозможными выражениями его благосклонности. В противовес Аману, (*«поистине чуждый персидской крови и весьма далекий от нашей благости»*) указ выставляет Мардохея, как *«нашего спасителя и всегдашнего благодетеля»*, и иудеев — *«живущими по справедливейшим законам, сынами Вышнего, величайшего, живаго Бога, даровавшего нам и предкам нашим царство в самом лучшем состоянии»*. Все это, конечно, для Иудеи не представляло ничего преувеличенного и неестественного, но — влагаемое в уста царя-язычника и деспота — представляется не совсем естественным и правдоподобным. Таково и предписание: *«всем подданным (а не одним только иудеям) — содействовать иудеям в истреблении их врагов, сам день этого истребления проводить со всем весельем, в числе именных праздников, причем объявляется угроза, что «всякий город или область вообще, которая не исполнит сего, нещадно опустошится мечом и огнем и сделается не только необитаемой для людей, но и для зверей и птиц навсегда отвратительною»*. Это уже чисто иудейская нетерпимость, уступающая разве только позднему человеконенавистничеству Талмуда и имеющая, несомненно, общий с ним источник происхождения.

15. И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и белого цвета и в большом золотом венце, и в мантии виссонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался.

16. А у Иудеев было тогда освещение и радость, и веселье, и торжество.

17. И во всякой области и во всяком городе, во всяком месте, куда только доходило повеление царя и указ его, была радость у Иудеев и веселье, пиршество и праздничный день. И многие из народов страны сделались Иудеями, потому что напал на них страх пред Иудеями.

15–17. *«У иудеев было тогда освещение»*. Освещение, т. е. обилие света в домах, у всех народов служило выражением радости. 14 и 15 стихи настоящей главы почти до буквальности соответствуют 14 и 15 стихам главы III-й, поставляя лишь на место Амана Мардохея и на место бывшей печали наступившую радость. Особенно подчеркивается разница в настроении престольного города Суз, который по изданию первого указа был «в

смятении», а при издании второго «возвеселился и возрадовался». Это, конечно, прежде всего имеет в виду иудеев, радость и веселье которых не устраняли страха и смятения других, имевших в это время несчастье быть подозрительными в глазах иудеев.

1–5. Кровавый день по всей империи. 6–11. Кровавый день в Сузах. 12–15. Продолжение кровопролития в Сузах на следующий день. 16. Итоги убийств в провинциях. 17–32. Установление времени и порядка празднования Пурим.

1. В двенадцатый месяц, то есть в месяц Адар, в тринадцатый день его, в который пришло время исполниться повелению царя и указу его, в тот день, когда надеялись неприятели Иудеев взять власть над ними, а вышло наоборот, что сами Иудеи взяли власть над врагами своими, —

1. «Взять власть над ними», или лучше — взять верх над ними, восторжествовать, преодолеть, превозмочь.

2. собрались Иудеи в городах своих по всем областям царя Артаксеркса, чтобы наложить руку на зложелателей своих; и никто не мог устоять пред лицом их, потому что страх пред ними напал на все народы.

3. И все князья в областях и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали Иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем.

2–3. «Собрались иудеи в городах своих» — т. е., каждый сплотился с другими иудеями в том городе, в котором жил и который был для него «своим». Это были, вероятно, города с преобладающим еврейским населением. Это-то преобладание, при содействии напавшего на всех (особенно князей, сатрапов и других чиновников) страха перед Мардохеем и вообще иудеями, и помогло последним так благополучно отбиться от врагов.

4. Ибо велик был Мардохей в доме у царя, и слава о нем ходила по всем областям, так как сей человек, Мардохей, поднимался выше и выше.

4. «Слава о нем ходила по всем областям, так как сей человек, Мардохей, поднимался выше и выше». Другой перевод данного места: по всем областям прошла молва, что Мардохей возвышается и возвеличивается.

5. И избивали Иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с неприятелями своими по своей воле.

5. *«Поступали с неприятелями своими по своей воле»*, то есть, как хотели.

6. В Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек;

7. и Паршандафу и Далфона и Асфафу,

8. и Порафу и Адалью и Аридафу,

9. и Пармашфу и Арисая и Аридая и Ваиезафу, —

10. десятерых сыновей Амана, сына Амадафа, врага Иудеев, умертвили они, а на грабеж не простерли руки своей.

11. В тот же день донесли царю о числе умерщвленных в Сузах, престольном городе.

12. И сказал царь царице Есфири: в Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек и десятерых сыновей Амана; что же сделали они в прочих областях царя? Какое желание твое? и оно будет удовлетворено. И какая еще просьба твоя? она будет исполнена.

13. И сказала Есфирь: если царю благоугодно, то пусть бы позволено было Иудеям, которые в Сузах, делать то же и завтра, что сегодня, и десятерых сыновей Амановых пусть бы повесили на дереве.

13. Есфирь испрашивает у царя позволение и 14-го адара «делать то же», что 13-го (т. е. «*собраться и стать на защиту жизни своей*» — [VIII:11](#)) — потому, вероятно, что противники их в Сузах хотели и на следующий день возобновить свои нападения против тех, кого они ненавидели не только за их национальность, но и за их религию (вот почему и текст указа предписывает также оставить иудеев *пользоваться своими законами*). Это в значительной степени смягчает обвинение иудеев в жестокости и мстительности, если они были не нападающей, а лишь энергично обороняющейся стороной и вместе с жизнью защищали и свое священнейшее достояние — религию.

14. И приказал царь сделать так; и дан на это указ в Сузах, и десятерых сыновей Амановых повесили.

14. Убитые 10 сыновей Амана были сверх того повешены (по требованию Есфири), как оскорбители величества царского. Это должно было оправдывать иудеев в глазах народа и за все остальное, указывая, что расправа их — расправа с соумышленниками врагов царских.

15. И собрались Иудеи, которые в Сузах, также и в четырнадцатый день месяца Адара и умертвили в Сузах триста человек, а на грабеж не простерли руки своей.

16. И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях, собрались, чтобы стать на защиту жизни своей и быть покойными от врагов своих, и умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч, а на грабеж не простерли руки своей.

15–16. Число погибших в Сузах — за два дня резни — 800 человек, а всего по всем областям — до 75 000 человек. При всей своей ужасности это число не представляет ничего невероятного, так как оно раскладывается на все обширное пространство империи.

Троекратное замечание об иудеях, что они «*на грабеж не простерли руки своей*» ([10](#), 15 и 16 ст.) — имеет в виду показать, что иудеями руководила более высокая идея, чем обогащение добычей. С другой стороны, они хотели показать и свою исключительную честность в отношении к государству, в пользу которого поступали имущества казненных.

17. Это было в тринадцатый день месяца Адара; а в четырнадцатый день

сего же месяца они успокоились и сделали его днем пиршества и веселья.

18. Иудеи же, которые в Сузах, собирались в тринадцатый день его и в четырнадцатый день его, а в пятнадцатый день его успокоились и сделали его днем пиршества и веселья.

19. Поэтому Иудеи сельские, живущие в селениях открытых, проводят четырнадцатый день месяца Адара в веселье и пиршестве, как день праздничный, посылая подарки друг ко другу; (живущие же в митрополиях и пятнадцатый день Адара проводят в добром веселье, посылая подарки ближним).

20. И описал Мардохей эти происшествия и послал письма ко всем Иудеям, которые в областях царя Артаксеркса, к близким и к дальним,

21. о том, чтобы они установили ежегодно празднование у себя четырнадцатого дня месяца Адара и пятнадцатого дня его,

22. как таких дней, в которые Иудеи сделались покойны от врагов своих, и как такого месяца, в который превратилась у них печаль в радость, и сетование — в день праздничный, — чтобы сделали их днями пиршества и веселья, посылая подарки друг другу и подаяния бедным.

23. И приняли Иудеи то, что уже сами начали делать, и о чем Мардохей написал к ним,

24. как Аман, сын Амадафа, Вугеянин, враг всех Иудеев, думал погубить Иудеев и бросал пур, жребий, об истреблении и погублении их,

25. и как Есфирь дошла до царя, и как царь приказал новым письмом, чтобы злой замысел Амана, который он задумал на Иудеев, обратился на голову его, и чтобы повесили его и сыновей его на дереве.

26. Потому и назвали эти дни Пурим, от имени: пур (жребий, ибо на языке их жребии называются пурим). Поэтому, согласно со всеми словами сего письма и с тем, что сами видели и до чего доходило у них,

27. постановили Иудеи и приняли на себя и на детей своих и на всех, присоединяющихся к ним, неотменно, чтобы праздновать эти два дня, по предписанному о них и в свое для них время, каждый год;

28. и чтобы дни эти были памятливы и празднуемы во все роды в каждом племени, в каждой области и в каждом городе; и чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их.

29. Написала также царица Есфирь, дочь Абихаила, и Мардохей Иудеянин, со всею настойчивостью, чтобы исполняли это новое письмо о Пуриме;

30. и послали письма ко всем Иудеям в сто двадцать семь областей царства Артаксерксова со словами мира и правды,

31. чтобы они твердо наблюдали эти дни Пурим в свое время, какое оставил о них Мардохей Иудеянин и царица Есфирь, и как они сами назначали их для себя и для детей своих в дни пощения и воплей.

32. Так повеление Есфири подтвердило это слово о Пуриме, и оно вписано в книгу.

17–32. Вторая половина IX главы говорит об установлении праздника Пурим в память описанного события избавления иудеев от врагов. Это установление состоялось единодушно и одновременно по всем областям царства по почину самих иудеев, в избытке чувств понятной радости, предварив особые наставления о сем Мардохея и Есфири, которые, для лучшего увековечения празднуемого события, обстоятельно поведали о нем также особыми письмами ко всем иудеям в ста двадцати семи областях Артаксерксова царства.

1–3. Заключение книги. 7-е добавление к книге: изъяснение сна Мардохея (после 3-го стиха).

1. Потом наложил царь Артаксеркс подать на землю и на острова морские.

2. Впрочем, все дела силы его и могущества его и обстоятельное показание о величии Мардохея, которым возвеличил его царь, записаны в книге дневных записей царей Мидийских и Персидских,

3. равно как и то, что Мардохей Иудеянин был вторым по царе Артаксерксе и великим у Иудеев и любимым у множества братьев своих, ибо искал добра народу своему и говорил во благо всего племени своего. (И сказал Мардохей: от Бога было это, ибо я вспомнил сон, который я видел о сих событиях; не осталось в нем ничего неисполнившимся. Мальй источник сделался рекою, и был свет и солнце и множество воды: эта река есть Есфирь, которую взял себе в жену царь и сделал царицею. А два змея — это я и Аман; народы — это собравшиеся истребить имя Иудеев; а народ мой — это Израильтяне, воззавшие к Богу и спасенные. И спас Господь народ Свой, и избавил нас Господь от всех сих зол, и совершил Бог знамения и чудеса великие, какие не бывали между язычниками. Так устроил Бог два жребия: один для народа Божия, а другой для всех язычников, и вышли эти два жребия в час и время и в день суда пред Богом и всеми язычниками. И вспомнил Господь о народе Своем и оправдал наследие Свое. И будут праздноваться эти дни месяца Адара, в четырнадцатый и пятнадцатый день этого месяца, с торжеством и радостью и весельем пред Богом, в роды вечные, в народе Его Израиле. В четвертый год царствования Птолемея и Клеопатры Досифей, который, говорят, был священником и левитом, и Птоломей, сын его, принесли в Александрию это послание о Пуриме, которое, говорят, истолковал Лисимах, сын Птолемея, бывший в Иерусалиме.)

1–3. Начальный стих X главы, обещая, как будто, продолжить историю Артаксеркса после Есфири, вдруг обрывает простой отсылкой к летописям царей мидийских и персидских, где описано все это, равно как и все связанное с именем Мардохея. Возможно, что автор книги и взял свое повествование из этих летописей, оборвав его такой оговоркой

там, где оно перестало быть нужным и подделав его лучше под вкусы иудейских читателей.

Греческий текст дает к сему особое VII-е добавление, предлагая в нем изъяснение приведенного в начале книги сна Мардохея (см. 1-е добавление, к I главе), становящееся вполне понятным после описания всей этой истории, послужившей основанием к установлению праздника Пурим. Изъяснение сна усвоится самому Мардохею, вспомнившему этот сон по его оправданию происшедшими событиями.

Добавление заключается упоминанием об ознакомлении с обстоятельствами установления Пурим египетских иудеев через особое «послание», под которым можно разуметь саму книгу Есфирь, в более или менее близком к настоящему виде. Это ознакомление произошло лет сто спустя после написания книги, в совместное царствование Птолемея XII и сестры его и жены, знаменитой Клеопатры (52–30 гг. до Р. Х.).

Праздник Пурим (2 Мак XV:37: Μαρδοχαϊκή ἡμέρα — «день Мардохея») доньше с особенной торжественностью празднуется в синагогах. 13-го адара, канун праздника, бывает днем поста. Вечером этого дня начинается сам праздник — прочтением всей книги Есфирь. При этом чтец произносит очень бегло место [IX:7-9](#), где приводятся имена Амана и его сыновей, насколько возможно — не переводя дыхания, чтобы обозначить, что все они были повешены вместе. В это время присутствующие поднимают невообразимый шум, как и при каждом провозглашении имени Амана, показывая этим всю грозность своего негодования. Утром 14-го адара чтение повторяется, и вечер дня проводится в большом веселье. Доньше соблюдается также обычай — обмена взаимными подарками, и непременно особой формы маковыми коржиками, известными под наименованием «Гамана ухо». Время празднования Пурима падает обыкновенно на последние числа нашего февраля или на первые марта, делая его как бы *еврейской масленицей*.

Магистр богословия, профессор архимандрит Иосиф .